

С.А. Малышкин
S.A. Malyshkin

ВЕРЕЙСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ В 1812 г.

VEREISK HOME GUARD IN 1812

История отдельных полков Московского ополчения по-прежнему требует детального изучения самых различных комплексов документов, в том числе, и личных архивных фондов. Несомненно, за минувшие два столетия исследователи обращали внимание на судьбу верейского ополчения, особенно местные краеведы. Но недостаточно выявленная источниковая база не позволяла представить общую картину формирования и его судьбу.

The history of particular regiments of the Moscow home guard still requires a detailed study of various sets of documents, including personal archival funds. Undoubtedly, over the past two centuries, researchers, especially local historians, have paid their attention to the fate of the Vereisk home guard. But insufficiently identified source base did not allow us to present a general picture of the formation and its fate.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, Московская губерния, Верея, Верейский уезд, Московское ополчение, Бородино.

Key words: Patriotic War of 1812, Moscow province, Vereya, Vereya district, Moscow Home Guard, Borodino.

Верейский уезд в 1812 году являлся одним из четырех уездов Подмосковья, в которых не формировали отдельного полка «Московской военной силы», как это было в других уездных центрах. Но это не означало, что здесь не собирали ополченцев. В сборнике документов, посвященном ополчению Отечественной войны, имеется ряд ценных источников по Верее¹. Не обошли своим вниманием верейского ополчения и местные краеведы. Директор Верейского музея С.А. Пospelов в своей брошюре «Верея и окрестности» особо отметил участие местных ополченцев в Бородинском сражении².

Как и во всей Московской губернии, в Верее сбор ополчения начался в конце июля. Общее руководство по сбору воинов, провианта и вооружения легло на плечи уездного предводителя дворянства надворного советника Федора Михайловича Вельяминова-Зернова. Он отвечал за все вопросы перед губернскими властями³.

Непосредственную же работу по обеспечению провиантом вел избранный 2 августа уездным дворянством провиантмейстер поручик Манашев. Как и во всех других уездах, он получил от своего непосредственного начальника — обер-провиантмейстера Московского ополчения Николая Евгеньевича Кашкина для ведения строго учета две шнуровые книги: одна — для записи полученных от помещиков муки и крупы, а вторая — по выдаче провианта батальонным провиантмейстерам. 8 августа Манашев подробно рапортовал Кашкину о состоянии дел. Он, в частности, отмечал, что: «принял магазины в городе Верее на площади в каменных лавках с деревянными потолками и крышками хотя не весьма достаточны, но для удобства лутче места не имеется, смотря ж по количеству и наполнивши оной буду размещать некоторую часть и в уезде...»⁴ Охрана магазина с продовольствием возлагалась на городничего Верей — Щербачева. Прием же продовольствия велся непосредственно Манашевым на городских весах, и используя при этом, так называемую, «магистрацкую меру».

В ведомости прихода провианта первая запись появилась 8 августа. Из нее следовало, что 5 августа принято провианта от владельца сельца Берескина на три месяца муки на 3 воина — 16 пудов 12½ фунта⁵. Губернскими властями было определено, что в провиантские обязанности дворянства входит поставка на каждого воина трехмесячной нормы муки и крупы. Но верейский предводитель Вельяминов-Зернов своей властью потребовал от Манашева дополнительно взимать с помещиков еще и на соль по 5 коп. за каждого воина на месяц. В личном архивном фонде Кашкина сохранился черновик ордера, направленного Манашеву с исправлениями и зачеркиваниями текста, в котором отмечалось, что «рапорт ваш от 6 числа, в коем извещаете, что предводитель предписал собирать соль»; но о сборе денег на соль никаких приказов от начальства нет, рекомендую денег более не собирать, а собранные деньги, сделав верный счет, хранить у себя до предписания⁶.

14-го числа Манашев снова извещал Кашкина, что по «сие время в приход поступило» муки 2619 п. 30½ ф. Но совершенно не было принято крупы. Отпущено же по требованиям командиров на пропитание воинам 566 п. 25½ ф. Осталось неизрасходованной муки 2053 п. 5 ф.⁷ Таким образом, в магазине Вереи, как и в магазинах других уездов Подмосковья, стали постепенно накапливаться значительные запасы продовольствия, предназначенного для ополчения. Вскоре из Москвы пришло предписание выпекать сухари, а не выдавать ополченцам самую муку. Первая запись о перепечении муки в сухари появилась в рапортах Манашева в тот же день, как пришло приказание в Верею. Известно по документам, что губернские власти приказали всем подмосковным уездам часть муки срочно перепекать в сухари силами жителей уездов, но в первую очередь, это касалось городских жителей. В Верее было отпущено из продовольственных запасов ополчения на сухари сразу же 300 пудов муки. Но работа, видимо, шла очень медленно. 18 августа Манашев оправдывался перед обер-провиантмейстером Кашкиным, ссылаясь даже на дни и часы получения предписаний начальства. В частности, он указывал, что «вследствие ордера вашего за № 93, от 13 числа, а мною полученного 16 августа по полудни в 12 часов, я настоятельно требовал от верейского городничего и Земского суда, чтобы взяли муку для перепечения в сухари, что и последовало с их стороны». Всего было принято в уезде муки 5333 п. и 8 ф.; круп 50 четвертей, 6 четвериков и 4 гарнца. Из этого количества, поступило в расход муки на воинов муки 581 п. 17 ф. 2½ золотника; круп 7 четвертей, 4 четверика, 2 и 2/30 гарнца. Для перепекания же в сухари муки — 1700 п. Осталось муки 3051 п. 30 ф. 93 и ½ золотника, круп 43 четверти, 2 четверика, 3 гарнца⁸. Подобные детали появились в переписке не случайно. Продвижение французских войск в глубь России шло непрерывно. 18-го августа российские войска находились на марше от Царево-Займище к Ивашкову, отступая все ближе к границам Московской губернии. Для подмосковных уездных властей встал вопрос о судьбе собранного продовольствия: то ли перевозить провиант к армии, то ли отправлять в тыл страны, или его полностью уничтожить в случае появления неприятельских войск. Но, конечно, с последующей полной и строжайшей ответственностью чиновников за принятое ими решение. В итоге, местным уездным властям пришлось сжигать наполненные мукой и сухарями уездные магазины в

Верее, Можайске, Богородске, были оставлены неприятелю запасы продовольствия, собранного для ополчения в Дмитрове, Звенигороде. После изгнания неприятеля из Подмосковья, губернскими властями велось отдельное расследование о пропаже провианта по вине уездных чиновников в Коломне.

Обстоятельства, связанные с уничтожением продовольствия, собранного в Верее для местных ополченцев, достаточно полно изложены в документации, сохранившейся до наших дней. Уездный провиантмейстер Манашев до последнего момента находился при исполнении своих обязанностей, и почти каждый день направлял свои отчеты на имя Н.Е. Кашкина. Но получить их Николай Евгеньевич смог только 6 января 1813 г. В это время он как губернский провиантмейстер составлял итоговый отчет по снабжению провиантом всего Московского ополчения. Важным элементом в этом процессе являлся личный доклад каждого уездного провиантского начальника в Москве. Но многие провиантмейстеры разъехались перед приходом неприятельской армии по всем губерниям России. Начались розыски и Манашева. В феврале 1813 г. верейский земский исправник П. Чарторижский сообщал Кашкину, что Манашев отсутствует как в Верее, так и в своей вотчине, а где он находится, и куда уехал перед вступлением в город неприятеля — местным властям совершенно не было известно. Лишь 16 февраля 1813 г. П. Чарторижский смог ответить Кашкину более подробнее. В это время Манашев проживал в Рязани, куда уехал в последний день перед занятием Вереи неприятелем. К нему через Боровскую почту Калужской губернии Чарторижский переслал почтовый пакет от Кашкина, т. к. Верейская почта еще не начала свою работу. Любопытно, что по делопроизводственным пометам можно проследить как четко работало почтовое ведомство вскоре после освобождения Московской губернии. Уже 20 февраля Кашкин читал в Москве сообщение Чарторижского⁹.

По сохранившимся архивным документам можно представить общую картину событий последних дней перед занятием Вереи французской армией. На 29 августа в магазине оставалось на лицо муки 2107 п. и 28 ф. Сухарей было принято от городничего 490 пудов, от земского исправника — 305 п. 25 ф., от селений в счет муки сухарей 390 п. 8½ ф., всего 1143 пуд. Круп было собрано 68 четвертей, 1 четверик и 5½ гарнца. Дважды Манашев обращался к одному

из помощников Кашкина, который находился при Главной квартире М.И. Кутузова, о своих дальнейших действиях по спасению уездного провианта, но ответа так и не получил. Напомним, что в эти дни сам Кутузов прикладывал не мало сил для обеспечения продовольствием армии, которого оставалось в корпусах всего на несколько дней, грозя генерал-провиантмейстеру армии В.С. Ланскому строжайшей ответственностью¹⁰.

Накануне Бородинского сражения и в первые дни после него, из Вереи выехали почти все жители, в городе оставалась лишь небольшая воинская команда. 28 августа через Верею в штаб Кутузова внезапно проехал калужский гражданский губернатор П.Н. Каверин. Манашев лично обратился с просьбой к Павлу Николаевичу узнать в штабе Кутузова: не нужно ли будет собранный провиант в Верее перевезти в армию или отправить в тыл страны. В это же время, ехавший по служебным делам в русскую армию верейский стряпчий, коего, как рапортовал Манашев: мы с комиссионером Угрюмовым просили заехать в Главную квартиру и узнать: «не состоит ли в опасности город Верея»? По их просьбе, уездный чиновник обращался и в дежурство штаба М.И. Кутузова, и лично к генералу М.А. Милорадовичу, но никто не дал никакого предписания. Своими силами уездным властям спасти заготовленные для верейского ополчения запасы продовольствия было невозможно. Уездный провиантмейстер подробно рассказал о последних днях перед занятием Вереи неприятелем в своем рапорте Кашкину от 4 апреля 1813 г.: «При чем честь имею вашему высочородию объяснить о случившемся в городе Верее по [в]незапному неприятеля к оному приближению, прошлого 1812 года августа 29-го числа пожара, что того числа утром наехала в сей город партия казаков, и в то время в сметении загорелся город и дошла до магазейнов, которые спасти никак было нельзя, да и неким; от чего и весь находившийся в магазине провиант сторел, коего было 1989 пудов 31 фунт 56 золотников, сухарей 1155 пудов 37 фунтов и круп 64 четверти 2 четверика 3 гарнца и шесть с половиною тридесятых, а после того и неприятель в скором времени вступил в город»¹¹. Единственное, что спас Манашев — это уездные шнуровые книги по приему и выдаче провианта. Их-то он и представил начальству на следующий день, отправив все Ведомости опять-таки Кашкину по почте, а не явившись лично.

Прием ополченцев в Верейском уезде шел одновременно со сбором провианта и шел весьма успешно. Еще в первые дни сбора ополчения, в Верею был направлен поручик Московского гарнизонного полка Чубенко с командой солдат для формирования двух батальонов и обучения воинов. Считалось, что в Московской губернии сбор воинов начнется 29 июля, и завершится за 7 дней. Но только 9 августа Первый комитет ополчения заслушал присланный рапорт уездного предводителя дворянства, о принятии в Верею на 8 число 425 воинов¹². Необходимо отметить, что уже на первом этапе сбора ополчения начались расхождения в численности ополченцев на уровне уезда и губернского Комитета по сбору ополчения. Так, например, на 10 августа по требованию Московского гарнизонного полка за № 16 поручика Чубенко выдано на 564 воина со 2 по 16 августа муки 418 п. 19 ф. 56 золотников, круп 5 четв. 3 чет. 2 гарнца¹³. Эта же цифра подтверждается Книгой выдачи провианта, что по требованию Чубенко отпущено на 564 воина со 2 по 6 августа муки 418 п. 19 16/30 ф.; крупы 5 четв., 3 четверика, 24/12 гарнца¹⁴. В то время, в Москве считали о принятии в Верейское ополчение лишь 425 чел. Более того, 14 августа Манашев сообщал Кашкину, что выдано провианта еще на 507 воинов. 15 августа верейские власти указывали, что всего на 1218 воинов отпущено муки 881 п. 17 ф. 32 гарнца, круп 7 четвертей 4 четверика и 22 ф.¹⁵.

20 августа Первый комитет Московского ополчения подвел итог сбора воинов по Верейскому уезду. Считалось, что на 18 августа было принято 1401 воин, в недоборе оставалось 67 человек. Провианта на них было принято: муки — 5333 п. 8 ф., в недоборе оставалось 2583 п. 32 ф.; круп — 50 четвертей 6 четвериков 4 гарнца, недобор составлял 51 четверть 4 четверика 4 гарнца. Как и везде в Московской губернии, большие сложности складывались со сбором оружия. Ружей в обоих верейских батальонах не было ни одного, пик, оставшихся еще с ополчения 1806–1807 гг. было собрано в Верею 1221, форменной одежды пошито на 850 воинов. Не доставало оружия на 180 и ополченческой формы на 551 чел. Самый печальный факт по сбору ополчения в уезде состоял в том, что уездный предводитель дворянства рапортовал о срыве сбора воинов во владениях графини Головкиной. По собранным уездными властями сведениям, выяснилось, что сама она живет в «чужих краях», т.е. за грани-

цей. С её имения — села Вышгород с деревнями, которое состоит из 5214 душ, следовало собрать 521 ополченца. Но управляет имением от её комиссионера — коллежского асессора Скворцова, живущего в Москве, отставной коллежский регистратор Тверитинов, который является «человеком слабым и нетрезвым». Крестьяне его не слушают, и уездный предводитель дворянства Вельяминов-Зернов даже вынужден был послать воинскую команду при унтер-офицере и 6 рядовых для приема воинов. В результате всех мер, с имения местные власти смогли выставить 511 человек, но без форменной одежды и даже обуви. При этом, Тверитинов брал с семейных крестьян взятки по 300 и 200 руб. за увольнение от ополчения, и ныне сам не знает, кого из крестьян брать в оставшийся недобор. На заседании Комитета московского ополчения решили: немедленно через земскую полицию взыскать оставшихся ополченцев и положенный им провиант, а также обмундирование и оружие. Вместе с тем, написали в «Журнале» заседания, что необходимо доложить гражданскому губернатору о поступке управляющего для рассмотрения его поступков на основании российских законов¹⁶.

Учет воинов в Верее, как и во всех уездах губернии, был довольно запутанным. Именно поэтому, помимо широко используемых историками ведомостей ополчения от 16 и 18 августа 1812 г., подписанных московским главнокомандующим Ф.В. Ростопчиным и начальником Московской военной силы И.И. Морковым, необходимо постоянно обращаться к уездным архивным документам. В первую очередь, рассмотреть Ведомости о выдаче провианта, в которых указывалось число воинов, получавших провиант.

22 августа Манашев направил Кашкину итоговую ведомость расхода провианта. Это были те дни, когда русская армия пришла на Бородинское поле, и стала располагаться на позиции. Последующие дни, связанные с Бородинским сражением, отступлением к Москве, привели к тому, что в руки Кашкина сама ведомость попала лишь 29-го числа. Речь снова шла о муке, розданной жителям Вереи на печение сухарей. Из нее следует, что 15 августа выдано по требованию верейского городничего на перепечение в сухари муки 400 п. 17 августа по требованию верейского земского исправника Чарторижского выдано еще 1000 п. муки, для раздачи по селениям уезда для перепечения под расписку чиновника Крылова. 18 августа по тре-

бованию верейского земского исправника выдали 815 п. 25 ф., под расписку уездного Земского суда губернского секретаря Крылова. 21 августа по требованию поручика Чубенко выдано с 15 по 26 августа на 212 воинов муки 128 п. 17 ф., круп 1 четверик и 6 гарнцев. Всего было выдано 2344 п. 2 ф., а также круп 1 четверик 6 гарнцев. За 28 августа сделана последняя запись в «Книге для записи прихода провианта». В ней перечислены все помещики уезда: кто, сколько и когда сдавал провиант. Согласно данным Книги, всего принято в уезде провианта на 1377 воинов. В том числе: муки 5288 п. 15½ ф.; сухарей 1199 п. 27 ф.; крупы 74 четвертей и 3 1/30 гарнца¹⁷. В частности, было указано, что графиня Головкина сдала 24 числа провиант на 520 воинов.

В РГВИА в фонде Инспекторского департамента Военного министерства хранится очень ценный для данной темы документ. Он озаглавлен как: «№ 8-й. Имянной список, принятым в городе Верее и уезде онаго, и поступившим на службу в состав ополчения воинам»¹⁸. Все они поступили «В 4-й казачий пехотный полк» — эта запись идет на полях списка. В полк поступило 1200 человек (Л. 419). На листе 419 об. на полях списка имеется еще одна запись: «Остались в команде у находившегося при приеме воинов Московского гарнизонного полка поручика Чубенко»: с № 1201 по № 1432 (Л. 424 об). В конце списка имеется подпись: «Оболенской». Таким образом, становится более или менее ясной судьба верейского ополчения — оно поступило в состав 4-го пехотного полка Московского ополчения, который формировался в Звенигороде.

На Бородинское поле полк из Звенигорода шел через Рузу, где остановился на несколько дней, дожидаясь пополнения в составе двух верейских батальонов. Командир полка в своем рапорте Моркову подчеркивал, что верейские воины почти все без обмундирования, а многие — даже без обуви. Тем не менее, 23 августа 1812 г. полк прибыл на русские позиции. Батальон, собранный из звенигородских крестьян, был направлен в воинскую полицию под командование Левицкого. Верейские батальоны были переданы в 4-й пехотный корпус генерала А.И. Остермана-Толстого. Вместе с корпусом они участвовали в Бородинской битве. После сражения на пути к Москве Московское ополчение было распределено по пехотным корпусам русской армии, и оба батальона были включены в состав пехотных

полков 4-го корпуса. С ними они участвовали в дальнейших боевых действиях, и как все ополченцы, возвратились домой лишь после завершения Заграничных походов 1813–1814 гг.

Но в Верее в конце августа 1812 г. оставалось еще 230 ополченцев под командованием Чубенко и 200 воинов под командованием прапорщика Кандюшева. Скорее всего, при приближении неприятельских сил 5-го польского корпуса, верейские воины вместе с казаками отошли из города. Их судьба по выявленным на сегодняшний день документам не известна.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. док. М., 1962.

² *Поспелов С.А.* Верей и окрестности. М., 1971.

³ Московское дворянство в 1812 году. М., 1912. С. 100.

⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 458. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 3 об.

⁶ Там же. Л. 5.

⁷ Там же. Л. 6.

⁸ Там же. Л. 7.

⁹ Там же. Л. 23.

¹⁰ Бородино: документальная хроника. М., 2004. С. 97–98.

¹¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 458. Оп. 1. Д. 7. Л. 24.

¹² Московское дворянство: Деятельность Первого Комитета. С. 48.

¹³ ЦГА г. Москвы. Ф. 458. Оп. 1. Д. 7. Л. 12.

¹⁴ Там же. Д. 8. Л. 1.

¹⁵ Там же. Д. 7. Л. 12 об.

¹⁶ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. док. С. 67–68.

¹⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. 458. Оп. 1. Д. 7. Л. 19–19 об.; Д. 9. Л. 19.

¹⁸ РГВИА. Ф. 395. (Инспекторский департамент Военного министерства). Оп. 311/240. Д. 48. Л. 400.